

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Н.Л. ПУЗЫРЕВИЧ, аспирантка кафедры прикладной психологии БГПУ ©

В статье представлена модель рискованного поведения подростков. Проанализирована специфика формирования у подростков конструктивного и аутодеструктивного поведения в контексте экзистенциальной проблемы подлинности и смысла жизни. Отмечается влияние смысложизненных ориентаций подростков на специфику осуществляемого ими рискованного поведения. Делается вывод о том, что рискованное поведение – следствие недостаточно развитой экзистенции, недостаточно наполненной смыслом жизни подростков.

Ключевые слова: рискованное поведение, наполненная смыслом жизнь, подростковый возраст.

В условиях непрерывно происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности современной личности, когда человек постоянно оказывается в ситуации неопределенности, отсутствия привычного механизма адаптации к динамично преобразующемуся миру, значительно возрастает ценность риска. Все более очевидным становится наличие следующего противоречия. С одной стороны, осуществляется пропаганда здорового образа жизни, разрабатываются и реализуются мероприятия, направленные на поддержание и укрепление здоровья молодежи. Однако, с другой стороны, присутствует тенденция к общественному поощрению неоправданно смелых поступков, созданию с помощью средств массовой информации, в частности, рекламы, образа увлекательного молодого человека, преодолевающего любые препятствия на пути достижения поставленной цели через совершение рискованных действий и поступков. Данное противоречие, в свою очередь, требует уточнения механизма формирования рискованного поведения молодежи.

До настоящего времени основной акцент в определении искомого феномена был сделан на его деструктивных характеристиках. Так, по мнению Ю.Л. Фроловой, «рискованное поведение обозначает те виды поведения, осуществление которых потенциально угрожает здоровью и жизни человека» [1, с. 13]. Данное определение согласуется с общепринятой тенденцией к ассоциированию риска с угрозой для здоровья личности, сформулированной в русле

психологии здоровья. В то же время Л. Залунина отмечает, что «вредное поведение может быть связано с риском, не являясь обязательно вредным для здоровья, особенно это касается подростков» [2, с. 49], а S. Lyng определяет рискованное поведение как «спонтанную деятельность подростка по экспериментированию с своими собственными возможностями, как опыт, через который проходит индивидуум, чтобы найти самого себя» [3, с. 95]. Эти определения опираются на альтернативность риска, на равнозначную вероятность благоприятных и неблагоприятных последствий его реализации, что привносит в определение данного феномена позитивную составляющую.

Таким образом, в рамках разработанной нами модели рискованное поведение будет представлено в качестве конструктивного феномена, потенциала подросткового возраста. Причем, предполагается акцентирование внимания на специфике формирования рискованного поведения в старшем подростковом возрасте, что обусловлено характерной для подростков 15–17 лет осознанностью, устойчивостью поведения и зависимостью его специфики от воздействия социальных факторов [4].

Рискованное поведение будет выступать фактором, обуславливающим переживание подростками наполненной смыслом жизни, в условиях которой они самостоятельно определяют степень допустимого риска и, реализуя его, несут ответственность за последствия своего выбора.

* Статья поступила в редакцию 25 июня 2009 года.

Проанализируем предпосылки создания искомой модели. Первоначально обозначим подход, в русле которого будет осуществляться определение ее компонентов.

Поскольку подросток рассматривается нами в контексте присущего его возрасту стремления к свободе, экспериментирования с собственными возможностями и направленности на самопознание, прежде всего, как субъект, конструирующий посредством рискованного поведения собственную жизнь, наполненную смыслом, то в качестве ведущей методологии будет выступать экзистенциальная психология. По мнению Д.А. Леонтьева, «экзистенциальный подход рассматривает человека в тех аспектах, где он может быть свободен от автоматически срабатывающих в нем механизмов, выходит за рамки и может сам принять свое собственное решение, то есть выступает существом не детерминированным, а самодетерминированным» [5]. Для подтверждения целесообразности использования экзистенциальной психологии рассмотрим ведущие признаки рискованного поведения в контексте возрастной специфики подростков.

1. Признак неопределенности ситуации риска. С одной стороны, подростки стремятся к свободе, достигаемой посредством отказа от поведенческих шаблонов и стереотипов, а с другой стороны, — у них отсутствует готовность нести ответственность за последствия своих рискованных поступков. В данном контексте очевидна актуальность проблемы свободы и ответственности, сформулированной в русле экзистенциальной психологии. Проблема иллюстрируется в разработанной модели на уровне осуществления подростками 15–17 лет конструктивного или деструктивного риска вследствие их предпочтения одного из приоритетов: «нерезализованной наполненности жизни» или «переживания наполненности жизни» и «переживания «экзистенциального вакуума» или «нахождения смысла». Это позволяет говорить о подростке как о субъекте, конструирующем посредством рискованного поведения собственную жизнь, наполненную смыслом.

2. Признак альтернативности риска. Подростки все время находятся перед выбором: самоутверждения (стремления стать частью мира взрослых и самоутвердиться в нем) или следования групповым приоритетам. В разработанной модели представленная проблема положена в основу рассмотрения факторов, влия-

ющих на специфику представлений подростков 15–17 лет о себе посредством «отрицания собственной ценности» или «признания собственной ценности». В данном случае подросток — объект, испытывающий воздействие со стороны социально-психологических факторов, обуславливающих его предпочтение конструктивного или аутодеструктивного поведения.

3. Прогностическая оценка результата риска. Степень конструктивности/деструктивности результатов рискованного поведения подростков обусловлена наличием или отсутствием у них представлений о ценности собственной жизни.

Данная проблема, привлекая внимание отмеченную Л.И. Божович специфику направленности подростка от 15 до 17 лет на «открытие своего Я, оформления личности, с одной стороны и формирования мировоззрения, с другой» [4], будет определять специфику функционирования разработанной модели.

Перейдем к анализу механизма функционирования модели формирования рискованного поведения в старшем подростковом возрасте (рис. 1). Представленная модель характеризуется целостностью, иерархичностью и взаимозависимостью ее компонентов. Это связано с комплексным представлением феномена рискованного поведения как предполагающего, с одной стороны, поиск смысла, а с другой — реализацию свободных от поведенческих установок и стереотипов форм поведенческой активности. Ведущий принцип, положенный в ее основу, — альтернативность формирования стратегии осуществления рискованного поведения подростков, которая обусловлена их самостоятельным выбором самоотношения, особенностями восприятия их отношения к себе со стороны окружающих людей, а также спецификой реализации наполненности жизни и смысло-жизненных ориентаций.

В основу функционирования искомой модели положено предположение о том, что, чем выше степень наполненности смыслом жизни подростков, тем выше вероятность формирования у них конструктивного поведения; чем ниже степень наполненности смыслом их жизни, тем выше вероятность формирования у них аутодеструктивного поведения.

Центральное место в разработанной модели принадлежит категории «поиск смысла». В. Франкл рассматривает данную категорию в

контексте динамичности ее становления: переживание смысла облегчает согласие с миром и помогает находить и воплощать собственный личностный смысл в конкретных ситуациях [6]. На этом основании можно говорить о динамике представлений подростка о собственной ценности и ценности собственной жизни до и после совершения рискованного поступка. Причем, подобную динамику обеспечивает не столько самооценка, сколько оценка окружающих людей, так как «мерилом отношения подростка к

себе выступает значимый другой» [7]. Получается, что, говоря о факторах, обуславливающих поиск смысла в процессе реализации рискованного поведения, следует учитывать как ситуационные, так и диспозиционные факторы. Принимая во внимание психологические особенности развития личности в подростковом возрасте, представленные в работах Г.С. Абрамзон, Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейна, а также ведущие признаки рискованного поведения, целесообразно отметить следующие факторы.

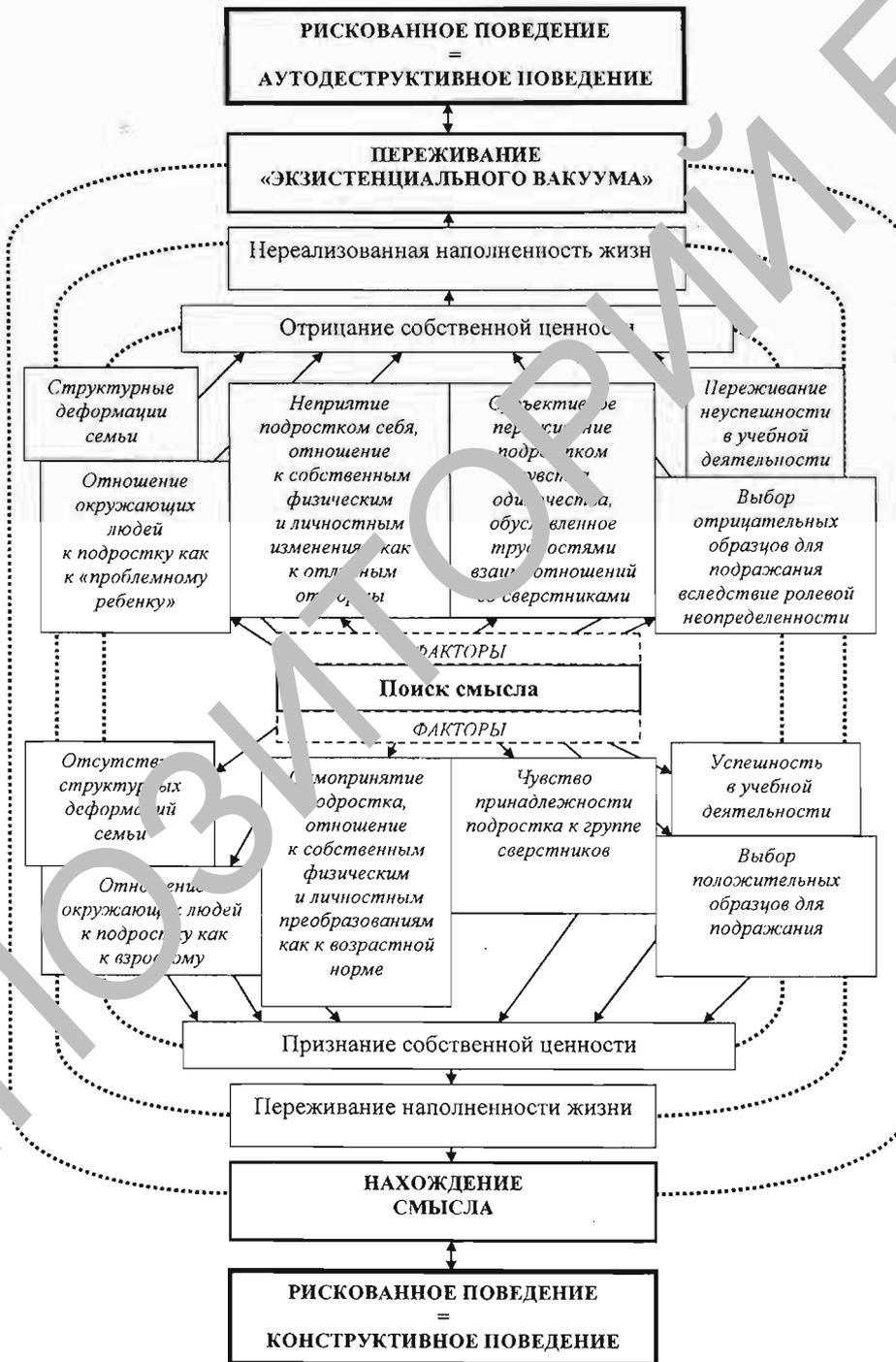

Рисунок – Механизм функционирования модели формирования рискованного поведения подростков

Прежде всего, *ситуационные факторы*: «структурные деформации семьи – отсутствие структурных деформаций семьи», «отношение окружающих людей к подростку как к «проблемному ребенку» и как к «взрослому».

Источником значительного количества проблем, возникающих в подростковом возрасте, является заочное превращение подростков в проблемных, трудновоспитуемых детей на уровне общественного сознания. Учителя перестраивают стиль взаимодействия с демократического на авторитарный. Родители читают специализированную литературу о стратегиях общения с подростком, психологически настраивают себя на проблемы, которые, по их мнению, обязательно появятся, как только ребенок достигнет возрастной границы от 11 до 14 лет. Они анализируют, где в прошлом они допустили ошибки при воспитании ребенка, что могло привести к формированию его негативизма и избеганию доверительного общения с родителями, хотя им следовало бы постараться понять значение подросткового возраста в дальнейшем развитии ребенка, осознать возможности данного возрастного этапа и ориентироваться не на прошлые достижения, а на будущие перспективы. Только посредством отношения к подростку как к взрослой, ответственной личности можно сформировать у него соответствующую конструктивному поведению систему ценностей и приоритетов.

Таким образом, ситуационные факторы обуславливают формирование положительного или отрицательного образа «Я» в контексте личностной организации подростков, обозначенной Д.В. Олшанским как тип Я – через других» [8].

Наличие или отсутствие структурных деформаций семьи. В настоящее время, когда институт семьи переживает психологический кризис, проявляющийся в снижении доверия, взаимопонимания в рамках системы «родители – ребенок», значительно возрастает количество «проблемных» семей, характеризующихся разным уровнем деформациями в осуществлении ведущей воспитательной функции. Это приводит к тому, что ребенок не может установить обратную связь с ближайшим социальным окружением, а впоследствии испытывает значительные трудности при ее установлении с обществом и его ведущими социальными институтами. В данном контексте подростку приходится

самостоятельно выработать систему жизненных приоритетов и на собственном опыте проверить их целесообразность и эффективность [7].

Получается, что данный фактор обуславливает отсутствие в опыте подростков 15–17 лет позитивных переживаний, ограничивает их представление о собственной успешности, вследствие чего вся их жизнь объективно характеризуется эпитетом «рискованная». В это время, в условиях отсутствия структурных деформаций в семье, подростки, опираясь на характерную для их возраста «иллюзию неуязвимости» [9], полагаются на возможность достижения успеха и, руководствуясь этим критерием, отдадут предпочтении тем рискованным действиям и поступкам, вероятность опасности для жизни и здоровья которых невелика.

В данном контексте есть два варианта реализации поведенческой активности подростков: 1) в случае отказа от работы в направлении самосовершенствования и самореализации, поведенческая активность подростков будет реализовываться через рискованное поведение, подражательное поведение, угрожающее его здоровью и жизни; 2) в случае предпочтения самостоятельной деятельности, их поведенческая активность будет ограничиваться конструктивным риском.

К числу *диспозиционных факторов*, обуславливающих представление подростка о собственной ценности в условиях осуществляемого рискованного поведения, целесообразно отнести: «непринятие подростком себя, отношение к собственным физическим и личностным изменениям как к отличным от нормы» – «самопринятие подростка, отношение к собственным физическим и личностным преобразованиям как к возрастной норме», «субъективное переживание подростком чувства одиночества, обусловленное трудностями взаимоотношений со сверстниками» – «чувство принадлежности подростка к группе сверстников», «переживание неуспешности в учебной деятельности» – «успешность в учебной деятельности», «выбор отрицательных образцов для подражания вследствие ролевой неопределенности» – «выбор положительных образцов для подражания».

Г.С. Абрамова отмечает важность «переживания подростком своей нормальности, возможности быть правильным, хотя бы в глазах кого-то» [10]. Получается, что в представлениях подростка присутствует «образ себя», положительный

или отрицательный, которому он, с присущим ему максимализмом, стремится соответствовать. Однако в связи со значительными преобразованиями, происходящими не только в личностном плане, но и на уровне физиологических процессов, реальный образ оказывается слишком далеким от совершенства. Это, в свою очередь, обуславливает возрастную эмоциональную нестабильность, импульсивность и противоречивость характера подростков, что приводит к значительным трудностям в отношениях со взрослыми. В результате, наиболее значимым для подростка становится общение со сверстниками, безоговорочно понимающими и принимающими, отношение которых определяет принятие или непринятие подростком самого себя. Однако свою принадлежность к группе и уровень своих возможностей еще предстоит доказать. Одним из способов реализации подростком своих возможностей, презентации своего «Я» в группе сверстников и повышения своего статуса, престижа выступает рискованное поведение, реализация которого способствует познанию своих возможностей и самоутверждению, развитию гибкости поведения и творческого потенциала. В случае, когда принятия сверстниками не происходит, подросток будет стремиться любой ценой утвердить собственную значимость в глазах сверстников и ближайшего окружения, в том числе за счет деструктивного риска.

Таким образом, диспозиционные факторы обуславливают формирование положительного или отрицательного образа «Я» в контексте личностной организации подростка, обозначенной Д.В. Ольшанским как тип «Я» в группе – через «Я» [8].

В соответствии с разработанной моделью, совокупность представленных факторов обуславливает признание или отрицание подростками собственной ценности. В результате возникает два альтернативных пути формирования самоощущения личности: «отрицание собственной ценности» или «признание собственной ценности», каждая из которых по-своему определяет специфику организации жизнедеятельности подростка, специфику наполненности его жизни.

Рассмотрим категорию «наполненность жизни» в старшем подростковом возрасте. А. Lengle, Ch. Ogle, M. Kundt обозначают ее термином «экзистенциальная исполненность», который рассматривается следующим образом: «экзис-

тенция – это настоящая жизнь, полная глубоких чувств, реализованных начинаний, собственных решений, пусть даже ошибочных»; «исполненность» – переживание глубокого внутреннего согласия с тем, что имеет место быть, или с тем, что сделано» [11]. Следовательно, основополагающие признаки наполненности жизни подростков: «осмысленная, свободно и ответственно воплощаемая жизнь», «реализация собственных решений». Что касается феномена рискованного поведения, то, опираясь на определение S. Lyng, к числу его основополагающих признаков можно отнести: «спонтанность», «экспериментирование с собственными возможностями», «направленность на самопознание» [3]. Сравнительный анализ представленных подходов указывает на отсутствие в определении рискованного поведения характеристик «целостности бытия», «наполненности смыслом», «ответственности».

Представляется, что рискованное поведение обусловлено недостаточно развитой экзистенцией, недостаточно наполненной смыслом жизни подростков. Соответственно, чем выше опасность осуществляемых респондентами рискованных действий и поступков, тем ниже степень наполненности смыслом их жизни. Это, в свою очередь, выступает своеобразной предпосылкой для нахождения подростками смысла жизни или переживания «экзистенциального вакуума». Целесообразность подобного суждения обусловлена тем, что «низкий уровень осмысленности жизни должен иметь следствием высокую мотивацию к поиску смысло-жизненных целей» [12]. В контексте рассматриваемой нами проблемы, очевидно, что своеобразным воплощением высокой мотивации подростков к переживанию наполненной смыслом жизни является рискованное поведение, которое как раз и предполагает «свободу действий», «выход за установленные рамки», «поиск собственных решений». Однако постижение смысла, по мнению В. Франкла, – это, прежде всего, ответственное отношение к осуществляемым действиям и поступкам, что ограничивает рискованное поведение оправданным, целесообразным риском [6]. Поэтому нарушение смысловой регуляции жизнедеятельности, обусловленное ориентацией на настоящее при отсутствии образа будущего, а также склонностью к восприятию своей жизни как бесцельной, лишенной смысла и перспектив, Д.А. Леонтьев рассматривает в качестве основной причины аутодеструктив-

ного поведения [5]. Нахождение смысла или переживание «экзистенциального вакуума» закономерно приводит к реализации конструктивного или аутодеструктивного поведения.

Исходя из представленной модели, в результате предпочтения линии «поиск смысла – отрицание собственной ценности – нереализованная наполненность жизни – переживание «экзистенциального вакуума» формируется «группа риска», состоящая из подростков, склонных к аутодеструктивному поведению. В данном контексте очевидна ценность своевременного осуществления в отношении данной группы превентивной работы, предполагающей мотивацию подростков к поиску смысла посредством осуществления конструктивного поведения. Опираясь на представления Л.Н. Собчик, для этого необходимо: 1) выявить те стороны внутреннего конфликта и те сферы нарушенных межличностных отношений, которые влияют на специфику рискованного поведения подростков; 2) определить баланс между эмоциональной и рациональной составляющей личности, влияющий на целесообразность/нецелесообразность рискованного поведения; 3) изучить представления подростков о будущем, степень их уверенности/неуверенности в нем, а также умение/неумение его планировать, что обуславливает их предпочтение безопасного или аутодеструктивного поведения [13].

Таким образом, в рамках разработанной модели формирование рискованного поведения в старшем подростковом возрасте рассматривается как закономерный результат самостоятельного выбора подростком из двух альтернатив: линии «поиск смысла – отрицание собственной ценности – нереализованная наполненность жизни – переживание «экзистенциального вакуума», приводящей к формированию аутодеструктивного поведения, или линии «признание собственной ценности – переживание наполненности жизни – нахождение смысла», обуславливающей реализацию конструктивного поведения. Рискованное поведение обусловлено

динамично развивающимися событиями реальной жизни, непредсказуемыми по времени возникновения и последствиям воздействия на личность. В данном контексте очевидна важность своевременной превентивной деятельности по предупреждению следования подростками деструктивной линии развития и их переходу к созидательным, конструктивным преобразованиям собственной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролова, Ю.Г. Психологические факторы безопасного поведения студенческой молодежи: дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук 19.00.01 / Ю.Г. Фролова. – Минск, 2001. – 114 с.
2. Залужина, Л.М. Подростки: ответы для родителей и профессионалов / Л.М. Залужина. – СПб. : Питер: Питер-принт, 2004. – 143 с.
3. Lyng, S. *Edgework* / S. Lyng. – New York: Taylor&Francis, 2004. – 300 p.
4. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с. : ил. – (Мастера психологии).
5. Леонтьев, Д.А. Смысл и побудительная сила мотива / Д.А. Леонтьев // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности / отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М., 1988. – С. 47–51.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник. Пер. с англ. и нем. / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 294 с.
7. Фельдштейн, Д.И. Психология воспитания подростка / Д.И. Фельдштейн. – М. : Знание, 1978. – 82 с.
8. Ольшанский, Д.В. Взросление «Я» / Д.В. Ольшанский. – М. : Знание, 1988. – 46 с.
9. Weinstein, N. Correct and incorrect interpretations between risk perception and risk behavior / N. Weinstein, M. Nicolich // *Health Psychology*. – 1994. – Vol. 92. – № 3. – P. 235–245.
10. Абрамова, Г.С. Возрастная психология / Г.С. Абрамова. – М. : Академический проект, 2006. – 702 с.
11. Lingle, A. The Existence Skale [Шкала экзистенции] / A. Lingle, Ch. Orgler, M. Kundi // *European Psychotherapy*. – 2003. – Vol. 4. – № 1. – P. 135–151.
12. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. / Д.А. Леонтьев. – Смысл, 2000. – 18 с.
13. Собчик, Л.Н. Рисованный апперцептивный тест (РАТ) / Л.Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2002. – 48 с.